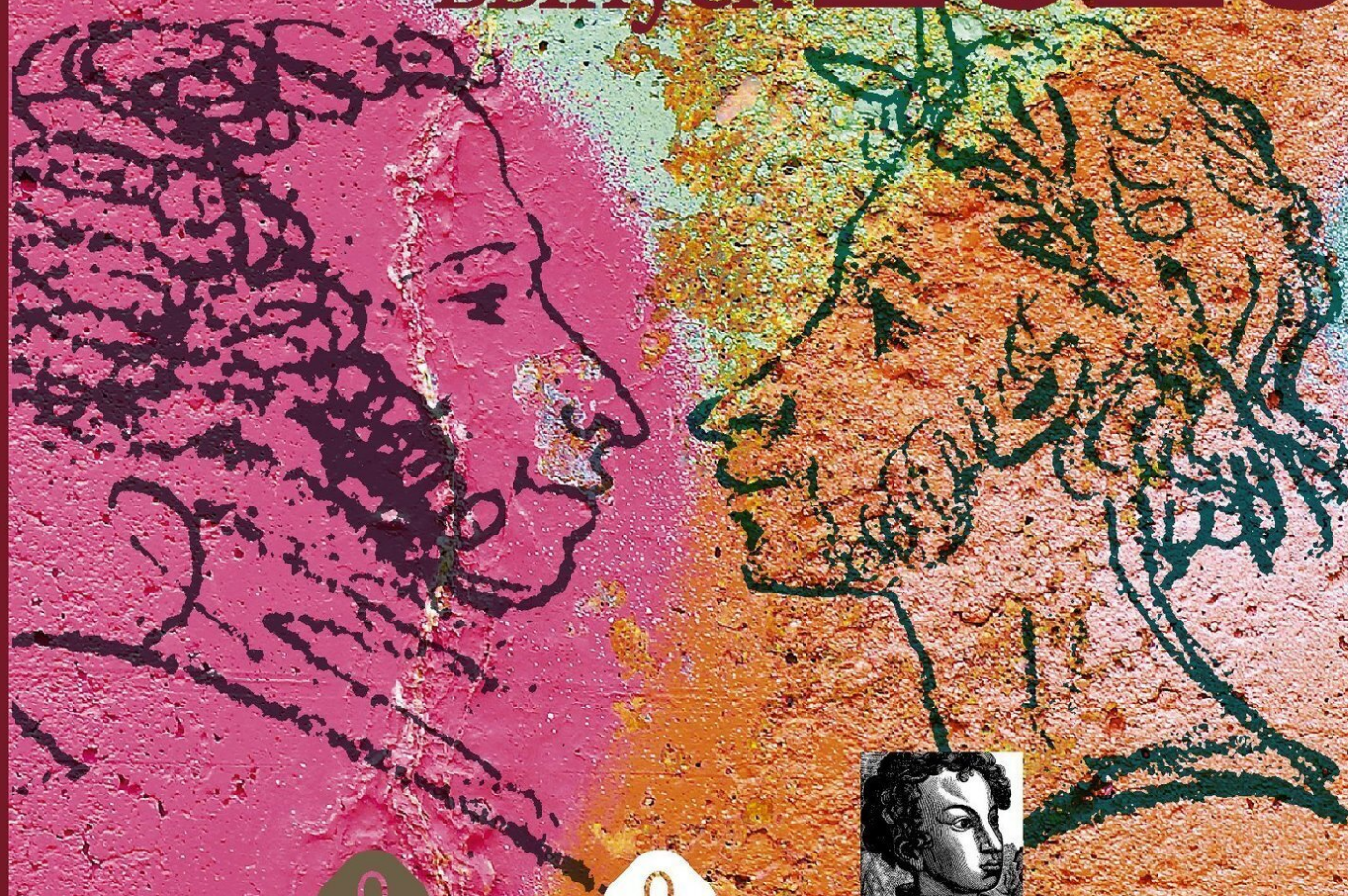

Лицей

четвёртый выпуск 2020

18+

LOTTE
HOTELS & RESORTS

LOTTE
KF R U S

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ «ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ

Handwritten signature or text at the bottom of the page.

Премия «Лицей»

Ринат Газизов

Лицей 2020. Четвертый выпуск

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Газизов Р.

Лицей 2020. Четвертый выпуск / Р. Газизов — «Издательство АСТ», 2020 — (Премия «Лицей»)

ISBN 978-5-17-132697-5

Церемония объявления победителей премии «Лицей», традиционно случившаяся 6 июня, в день рождения Александра Пушкина, дала старт фестивалю «Красная площадь» — первому культурному событию после пандемии весны-2020. В книгу включены тексты победителей — прозаиков Рината Газизова, Сергея Кубрина, Екатерины Какуриной и поэтов Александры Шалашовой, Евгении Ульянкиной, Бориса Пейгина. Внимание! Содержит ненормативную лексику! В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-132697-5

© Газизов Р., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Обращение Генерального директора АО “ЛОТТЕ РУС” г-на Ким Тэ Хона	5
Владимир Григорьев	6
Сергей Шаргунов	7
Номинация Проза	11
Три правила	11
Отправление	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Ринат Газизов, Сергей Кубрин, Екатерина
Какурина, Александра Шалашова,
Евгения Ульянкина, Борис Пейгин**
Лицей 2020
Четвертый выпуск

**Обращение Генерального директора
АО “ЛОТТЕ РУС” г-на Ким Тэ Хона**

Дорогие друзья!

2312 произведений, 2312 молодых и талантливых дарований со всего мира, пишущих на русском языке! Это очень впечатляющий результат. Мы очень рады помочь в поиске молодых авторов.

2020 год стал испытанием для всего человечества. И я благодарен всем за то, что, несмотря на такое тяжёлое время, нам удалось успешно провести четвёртый сезон ежегодной литературной премии “Лицей”.

Творения Александра Сергеевича Пушкина любят и ценят во всём мире. Весь мир от мала до велика читает произведения великого прозаика и поэта. 6 июня – день рождения “солнца русской поэзии” – стал Днём русского языка. И я рад, что в такую знаменательную дату мы вручили награды победителям премии “Лицей”. От всей души поздравляю всех наших лауреатов, а также всех участников проекта! Вы надежда и будущее России! Творите и дерзайте!

Перед вами – уже четвёртый сборник произведений наших победителей, с творениями которых теперь могут познакомиться все желающие. Хочу пожелать всем приятного чтения.

Отдельно хочу поблагодарить председателя Наблюдательного совета премии Сергея Вадимовича Степашина и заместителя руководителя Федерального агентства по печати Владимира Викторовича Григорьева. Огромная благодарность за поддержку специальному представителю Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству Михаилу Ефимовичу Швыдкому и Чрезвычайному и Полномочному послу Республики Корея господину Ли Сок Пэ за помощь в развитии премии.

Отдельная благодарность организаторам премии (Георгий Урушадзе), уважаемому жюри (председатель Сергей Шаргунов) и партнёрам премии – агентству ТАСС, газете “Аргументы и факты”, издательскому сервису Ridero, журналу “Юность” и другим.

*Генеральный директор АО “ЛОТТЕ РУС”
Ким Тэ Хон*

Владимир Григорьев Четвёртый прошёл!

Четыре года – не такой уж большой срок для литературы, но весьма заметный для начинающих литераторов (младшему соискателю на премию “Лицей” всего 15 лет!). За этот период эксперты и члены жюри – известные писатели и критики, редакторы литературно-художественных журналов и издательств – профессионально и внимательно рассмотрели более десяти тысяч произведений (две тысячи – только в этом сезоне), не исключая появления если не завтрашнего классика, то новых голосов уж точно.

Символично, что именно церемония объявления победителей премии “Лицей”, традиционно случившаяся 6 июня, в день рождения Александра Пушкина, дала старт фестивалю “Красная площадь” – первому в мире культурному событию после пандемии весны-2020. Она открыла дверь в лето, в новую жизнь и – будем надеяться – в большую литературу.

В жюри этого года – поэты Вера Полозкова и Тимур Кибиров, писатель, профессор Высшей школы экономики Майя Кучерская, литературный агент Юлия Гумен. Председатель – писатель, главный редактор журнала “Юность” Сергей Шаргунов. Выбор победителей, как сами они признались, был весьма непростым. Но он сделан.

Отмечены сборник короткой, парадоксальной прозы Рината Газизова, подчёркнуто-приземлённая, основанная на личном опыте «полицейская» проза Сергея Кубрина и совсем не ученическая повесть Екатерины Какуриной “Маркетолог от Бога”.

Поэты-лауреаты Александра Шалашова, Евгения Ульянкина и Борис Пейгин очень не похожи на друг друга, демонстрируют разные стили и способы художественного выражения.

Год за годом «Лицей» становится самым очевидным способом продвижения молодого автора к читателю. В серьёзных издательствах вышли книги Евгении Некрасовой (она же стала финалистом премии “Большая книга”), Кристины Гептинг, Константина Куприянова, Игоря Савельева, Булата Ханова и других финалистов и лауреатов премии.

Награды вручены. Но в выигрыше оказались не только лауреаты, но и все мы – читатели новой, яркой, современной литературы.

И конечно, наша неизменная благодарность южнокорейской компании “ЛОТТЕ”, а также российским гуманитарным институциям, которые уже четыре года поддерживают премию “Лицей”.

Заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Владимир Григорьев

Сергей Шаргунов Тру бессонные глаза

И вновь на Красной площади объявлены лауреаты премии “Лицей” имени Александра Пушкина для молодых авторов. На конкурс поступило более двух тысяч заявок от литераторов от 15 до 35 лет со всего света, пишущих на русском языке.

Жюри жарко и долго спорило, и кроме вошедших в эту книгу есть ещё те, кто мог бы в ней оказаться. Собственно, на то и дана литература, чтобы о ней спорить и видеть её под разными углами.

Какие они, новые авторы? Каков фоторобот “лицеиста”?

Эти молодые люди цепко, по-хозяйски озирают окрестности. Такая уверенность в себе и создаёт порой впечатление пресыщенности и душевного комфорта. Да, они воспринимают мир как им принадлежащий. Они легко берутся за любые взрывоопасные темы, потому что не умеют бояться.

Но они точно не успокоенные. Они волнуются. И волнует их то, что волновало людей всегда: любовь, совесть, страна, выбор, та звезда судьбы, которая над твоей головой.

У Саши Шалашовой, уроженки вологодского Череповца, нерифмованные строки, как и у большинства тех, что вошли в короткий список премии. Стихи Александры зацепили меня метким отбором деталей. Сухая точность увлажняет сердце. За строгой достоверностью – щедрость сопереживания всему на свете. Незаметно бережное перебирание окружающих примет переносит в потаённый мир рассказчицы. Именно рассказчицы – для меня это прозаические миниатюры.

мальчик пяти лет держит красный воздушный шарик
с надписью Burger King и бьёт им по полу,
по пустующим сиденьям, по моим коленям.

когда шарик стучит особенно громко,
когда я, ойкая, тру покрасневшую кожу,
мама мальчика говорит что-то
на незнакомом мне языке.

на ней выцветшая футболка,
длинные вельветовые штаны,
синие сланцы.

А потом мать говорит ребёнку несколько слов, которые рассказчица понимает без перевода, а я, признаюсь, загуглил.

Евгения Ульянкина родом из Караганды. Это изящные (напоминающие древнекитайские) стихи, в которых мерцает умудрённая, зловещая ирония. Ирония, отменяющая пафос бранных страстей, словно бы милостивая усмешка самой природы. Здесь и неудержимый распад, и вечное возвращение жизни.

эту песню пусть поют глухие
травы пальцами сухими
мы запишем лучшие слова

муравьишки бабочки грибочки
митингом выходят за права
запятой и точки
а на стыке облачных страниц
лётные учения у птиц

Борис Пейгин родился в Северске Томской области. Таинственно-монотонные, но умные стихи с каким-то строгим стержнем, насупленным сосредоточением. Стихи, насыщенные тревожной образностью, одновременно интеллектуальные и иррациональные.

Так радугой блестит засвеченная плёнка,
Так в небе городском нет ни одной звезды
В дымах далёкой ГРЭС, под облачной клеёнкой,
Так время мчится вскачь, как Сивка без узды.

Если поэзия, попавшая в короткий список, показалась мне отобранной на определённый, вполне угадываемый вкус, то проза очень и очень разнообразна.

Вообще, проза этого сезона была мне ближе, или, если выразиться точнее, судить о ней я имею больше права.

Иногда завораживает языковая гуща, пленяет стилистический эксперимент, иногда язык довольно прост, как речь подростка, но захватывает само движение той истории, которую тебе рассказывают, и возникает впечатление ободряющей свежести.

То, что я читал в финале и что обязательно придёт к читателю, – это и антиутопия, фэнтези и детектив в одном флаконе, и подробное трагикомичное повествование о сегодняшних школьных реалиях, и церковная тема, и судьбы воспитанников детского приюта, и будни молодого провинциального полицейского без лакировки и демонизации.

Читая сборник рассказов петербуржца Рината Газизова “Отправление”, я вспоминал манифест обэриутов: “В своём творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства”. В этих рассказах главное – приключение слов. Странное их сочетание и переплетение, требующее зоркости, неожиданно оживляет всё – людей, собак, улицы, и даже делает убедительными реплики самой смерти. Влажный листок с тонким акварельным рисунком рвётся и комкается опять и опять... Таков приём: импрессионизм обращается абсурдизмом. И тут какая-то важная правда жизни – жалкости и жалости.

А вот совсем-совсем другая проза.

Реалистичная, понятная, основанная на жизненном материале, который автору даёт его работа.

Житель Пензы Сергей Кубрин – старший следователь полиции. Хочется верить, что и эта литература, и дневник, который он постоянно ведёт в соцсетях, – симптомы здоровой открытости и очеловечивания правоохранительной системы.

Его герой опер Жарков – сильный, смелый, но и в чём-то слабый, сомневающийся, живой.

После вручения премии я спрашивал Кубрина в лоб: “Каково это – допрашивать? Можно ли быть честным писателем и работать в полиции?” Сергей ответил: “Все преступления на земле совершаются из стремления стать счастливым. По сути допрос – разговор о счастье, о причинах поиска этого счастья. При этом допрашивать очень легко, если уважать подозреваемого. Потому что все мы люди и каждый при любых обстоятельствах должен оставаться человеком”.

Это рассказы не только о следователе, но и о мучительном “я” совершающих преступления, делающих других несчастными, часто по неосторожности.

“Мне нужна помощь. Я сбил человека”.

“Ребёнка”.

“Я уехал, что делать – хз”.

Потом удалил текст. Сам себя закапывает. Никто не должен знать. Камер там вроде нет, были встречные машины и, может, ещё пешеходы. Ну и что дальше.

Вода ласкала его тело. Распаренный, вылез он из душа, разложил диван и взбил подушку, чтобы скорее проститься с этим неприятным вечером. Но куда там. Стоило лечь и притвориться, что вот-вот уснёт и всё обязательно кончится, как всплывал пред глазами мальчик. Маленький совсем, с рюкзаком, должно быть, первоклассник.

Он поднялся и опять было заплакал. Не вышло, слёз на всё не хватит. Живи теперь и думай как.

Легко ли быть полицейским? Выполнять повседневную работу то ли спасателя, то ли разгребателя грязи, иметь дело с непрерывным мутным потоком бед и кошмаров, с самыми тяжёлыми и злыми людьми, пропитываясь их духом, и знать, как на тебя смотрят вокруг. Как на парию. Иногда как на оккупанта. Увы, это слишком часто так, и немало вымогателей и истязателей, из-за которых образ полицейского остаётся таким.

Усталые размышления и сводки нервных буден кубринского опера – исповедь от первого лица, от косматой образины чудища из “Аленького цветочка”. Он всем страшен и чужд. “Побудьте день вы в милицейской шкуре – вам жизнь покажется наоборот...”

Мирные жители его называли по-всякому. Родственники злодеев, которых он кольцевал, кричали (литературно): “Сука!” – и добавляли (жизненно): “Сдохни!” Обиженные заявители, кому Жарков по разным причинам не мог помочь, с удовольствием (словно другого не ожидали) говорили: “Оборотень!”, зачем-то растягивая первую “о”. Потерпевшие, которым помочь удалось, незаслуженно бросали: “Ещё бы не помог! Мы платим налоги”, будто сам Жарков никаких налогов не платил. Случайные прохожие могли проронить сквозь зубы “Мусор!”, сквозь дворы – убежать, сквозь время – вернуться в отдел и выдать: “Спасите!” Не выдать – потребовать, потому что избили, ограбили, обманули, развели, а полиция должна приходить на помощь – незамедлительно и каждому.

– Мы законы знаем! Мы жаловаться будем!

Без повода и с причиной, и так по кругу: что только не слышал про себя Жарков.

Может, одни только жулики называли его по имени-отчеству и не желали ничего такого. “Георгий Фёдорович! Начальник!”

Читая Кубрина, веришь в то, что понятно теоретически: они, конечно, все очень разные, эти люди в погонах.

Под шкурой, под личиной чудища живёт и страдает светлый и чистый человек.

Надеюсь, Сергей Кубрин будет возрастать в мастерстве и – это надо говорить прямо и громко – сохранит честь и мужество. Особое мужество показывать сложную правду о том деле жизни, которое он выбрал, – жесть, мрачнюк, ярость, смелость, риск, отзывчивость и усталость, невыносимая усталость...

Повесть москвички Екатерины Какуриной “Маркетолог от Бога” читать лично мне было очень интересно. Потому что она живая, откровенная и с юмором. Все, о ком она пишет, видны, и ждёшь, что же будет на следующей странице. Здесь есть и любовная коллизия, и портретная галерея персонажей нашего времени, в том числе совсем юных, и главное – история про то, что неизвестно большинству и героине тоже было незнакомо. Она открывает для себя новый, церковный мир, при погружении в которой постепенно меняется – нет, не плакотно и резко... А как – узнаете, прочитав.

– Ты знаешь, что у нас там образок “Иверская” бракованный?

– Знаю, – говорю гордо. – Мало того – я уже всё исправила.

Там и правда была царапина на фото. Я подумала: “Так не пойдёт” и быстренько всё потёрла в фотошопе, залила на сайт и осталась довольна собой.

– А ты знаешь, что он раньше был нормальный, а теперь бракованный?

Чёрт. Оказалось, по легенде, в девятом веке один из иконоборцев ударил копьём по образу – и потекла кровь. Воин пал ниц, все вокруг уверовали, происходили многие чудеса и четыре ближайшие деревни крестились. С тех пор Иверскую изображают с небольшой раной на щеке, которую я, по доброте душевной, удалила.

– Ладно, – говорю, – сейчас нарисую обратно.

Рома смеётся. Сложно не отметить, что он симпатичный.

– Ты, значит, тут недавно? И как тебе?

– Круто, – говорю, – двенадцать лишних выходных, кому не понравится?

Здесь есть и резкие шуточки, и недоумение, и умиление, и даже что-то лесковское: сердечные русские люди, собранные вместе у подножия Креста. И есть интонация – свежая и искренняя.

Я рад, что мне довелось отбирать победителей “Лицея”, прочитав полторы тысячи страниц и окунувшись в гул и гомон моих младших современников. Я рад печатать их из номера в номер в журнале “Юность”. Считаю это важнейшей задачей – давать пространство пишущим.

Кто такой “молодой писатель”? В возрасте этих авторов писали Пушкин и Лермонтов, Маяковский, Шолохов, Набоков... Обаяние юности, несомненно, присутствует в том, что вошло в эту книгу, но дело точно не в том, сколько кому лет. Можно назвать их новыми писателями – так будет вернее.

Мне бы хотелось, чтобы они, новые, остались в литературе и продолжали писать.

Ослеплённый пёстрым сверканием прочитанного, тру бессонные глаза и всё же думаю, что самые яркие произведения у них ещё впереди.

Сергей Шаргунов

Номинация Проза Первое место Ринат Газизов Отправление. Сборник рассказов

Три правила Сорок Сорок

Сорок Сорок унесли меня ночью вместе с пазиком, который водил мой отец. Он бросил машину на просёлке в полях, он был штатным водилой “Приневской фермы”; почему отец взял в ту поездку меня – неизвестно, куда он делся – тоже.

Сорок Сорок не умели строить жилища.

Не жили подолгу на одном месте.

О них знал лишь тот, кого Сорок Сорок украли.

Они предпочитали воровать. Они только и делали, что воровали, могли утащить что угодно. Несущих сил хватало даже на то, чтобы летать по ночам с заброшенным баракком в лапах. Смутно помню, как меня несло в автобусе: то захватывало дух, то клонило в сон. Наверно, Сорок Сорок чудом меня не заметили, когда шарили чёрным глазом по окнам, вот и взяли, так-то они людьми не интересовались.

В том пазике я поселился вместе с младшими, я спал на сиденьях в третьем ряду слева, а топили мы его, подкидывая валежник в буржуйку, что пробила трубой кузов на месте водителя. Со мной вышло удобно: комбинезон пришёлся от сироты, который не выжил прошлой зимой, а обувь мне смастерил старый Ёся из солдатских ремней. Я сдружился с тремя ровесниками. Они были слишком малы, чтобы *попасть* в Сорок Сорок, они говорили: надо ждать, пока трое старших очоурятся, тогда появятся свободные места. А мне вообще путь внутрь заказан – я чужих кровей.

Все трое умничали, но так и не смогли мне объяснить, откуда пришли.

Когда мне стукнет семь, приёмная тётка скажет, что это меня похитили цыгане. Варвара махом раскроет дурацкую книгу – сразу на нужной иллюстрации, но я не узнаю в Сорок Сорок ни чёрных кудрей, ни куриц под мышкой, ни гитар, ни золотых серёг.

Мои похитители куда древнее цыган.

До пяти лет я слонялся по нашему биваку, разбитому на прогалине в сосновом бору; ходил себе между краденых изб, краденых фургонов, краденых палаток, от загона с краденными гусями и курами до тарахтящих бензиновых генераторов, от краденной цистерны с бензином до краденной бытовки, где Сорок Сорок наедались грибами и любили друг друга; по лесу и до озера; однажды стянул у рыбака ведро пескарей; видел, прячась за берёзой, вертолёт; видел пожар, который упёрся в ров, умело вырытый лапищами Сорок Сорок; видел лося, рога которого были как сосновые корни; видел падение звёзд (кайфово, но слишком быстро); видел клеща размером с пятак; я постоянно просился внутрь Сорок Сорок – и обижался, когда меня не брали.

Их действительно было сорок, по-человечески сорок.

Тонкокостные, черноглазые, у них бездонные животы. Они прекращали есть, только когда в гнезде не оставалось еды, и эту особенность я у них перенял, ел как не в себя и не толстел. Они долго-предолго странствовали по земле. Оборванцы, кто в медицинских халатах, кто в тулупе, в женском пальто, распахнутом на всю волосатую грудь, им было без разницы в

чём ходить. Я ещё не сразу понял, что пестрота вещей вокруг меня – она не потому, что воруют всё подряд, а она как раз оттого, что воруют в одном экземпляре. Никогда Сорок Сорок не подбирали подобное дважды.

Я кричал: возьмите меня с собой! – когда поздним вечером эти сорок странников собирались у костра, брались за руки, обнимались, чуть пританцовывая, лепились в дрожащую кучу тел, ртами издавали чарк! чарк! чарк! А потом – щелчок! – и вот они уже коллективный оборотень.

Огромная до усрачки сорока.

Их семья так выживала.

Нужно очень долго жить вместе, нужно быть очень родными, чтобы так делать. Я разглядывал Иришку, Янку, Агнессу: они ли птичьи лапы с когтями, как грабли? Они ли – немигающие глаза, как две кастрюльки, они ли птичий клюв, в который упихалась бы моторная лодка? А костистый Ёся с хромыми старикашками образуют птичий хребет? Морщинистая старуха, что заставляет меня таскать мусор за всех и тщательно закапывать, – она своей висящей кожей обтягивает всю семью? А толстые не улыбочивые мужики из сарая, которые только и делают, что лежат на соломе и дуют воду из бадьи, которую я им таскаю, – они в Сорок Сорок играют роль птичьих потрохов?..

Наверно, гадать бессмысленно, никто из них – не часть. Они все сразу – единое целое новое качество.

Умная книжная мысль, я её тоже у кого-то украл.

Думаю, беду на Сорок Сорок накликал я; хотя разве это беда, нет, это их привычка.

Я стал проситься в город, когда в украденном багаже (а Сорок Сорок умудрились обворовать товарняк) я нашёл книги с картинками, и там был город с нормальными людьми, как из рассказов Ёси; были мосты, ровные невероятные дороги, словно прочерченные на земле суперфломастером; были ещё дома из кирпича. Я клянчился туда, убеждал, что украду и вернусь из города с сырокопчёной колбасой, с калькулятором, с футбольным мячом и зефиром, политым глазурью. Украду бездну крутых вещей. Я заснул, кожа на щеках была стянута от соли, потому что старый Ёся меня наругал. А ночью проснулся от грохота, который прошивал лес вдоль и поперёк.

Я уставился наружу из окна родного пазика.

Посреди нашей поляны стояли двое чужих в хаки – я знал, что такое хаки; они лупили из винтовок – я знал, что такое винтовки, – лупили по стремительно уносящейся на восток Сорок Сорок.

Город сам явился в мой дом.

Вот и всё прощание со второй семьёй.

Два зверя, разрушивших моё детство, были из оружейно-охотничьего клуба “Левша”. Им никто не поверил про Сорок Сорок. Они везли меня в Питер в уазике, у них были отупевшие лица людей, которых миновала большая беда. Они ругались плохими словами, повторяли по дороге: “Ты только подтверди, малец, что динозавр был наяву, он сорвался и улетел, пацан, ты только не молчи!..” Но я чуть не умер ещё на въезде. У меня была истерика; “стрессовая реакция организма”, скажут потом.

Очнулся я уже в детдоме.

Полегчало: в детдоме есть стены, и не видно, какой же это огромный город, как много в нём выставлено для кражи.

За неделю я усвоил от воспитательницы Инны Витальевны основы своего положения.

Что два года я прожил, “как маугли”, в стоянке бомжей в пятнадцати километрах от Люблинского озера; что про этих бомжей уже все газеты писали, они, может, сектанты или старообрядцы какие. Непонятно, как они доставляли в свою глухомань тачки, топливо, дачные

бытовки, ведь ни дорог, ни троп в том лесу нет. Врачи меня, спавшего, осмотрели и не обнаружили следов насилия, это новость хорошая. А ещё я “чрезвычайно хорошо социализировался”, но меня бьёт паника в городе, и это нормально. Мои настоящие родители пока не нашлись, но могут объявиться, ведь меня покажут по телику, зато нашлись вши, глисты, грибок кожный, грибок ногтевой, какая-то зараза в левом ухе, но всё это пустяки.

Меня угостили зефиром с глазурью. Жизнь среди чужаков стала приемлема.

Многие в детдоме были настоящие уроды. Но Танька была уродом из-за усохших ног – как будто из пяток, как из тубика, невидимая тварь высасывала жизнь и пока остановилась на поясице. Выше пояса Танька очень даже ничего. Глаза голубые, как стекло. Лицо по форме как мастерок. Руки крепче, чем у меня, увиты венами. Танька передвигалась на них ловчее меня, а я не раз вызывал её: кто быстрее доползёт от чулана до столовки? Я был шустрый, тонкий как змей, но она в этом прирождённый талант, я пыхтел, она смеялась и уносилась, девчонка-инвалид оставляла меня позади каждый день, и это ползанье наперегонки по вспученному линолеуму было самым счастливым временем моей жизни.

Потом Инна Витальевна объяснила, что девочки так себя не ведут. Танька какое-то время глядела на меня свысока и сидела в коляске, как на троне, но это быстро прошло.

В детдоме я делал куда больше вещей, чем у Сорок Сорок.

Мы учились читать-писать в группе подготовки, мы учились делать уборку, мы устраивали “праздники и спортивные соревнования”, и гостям детдома рассказывали, что мы любим “праздники и спортивные соревнования”; я видел рыб в океанариуме; я видел депутата, который подарил детдому деньги, я мыл таксистам машины за пятьдесят рублей и на пятьдесят рублей покупал чипсы со вкусом бекона; я был в Эрмитаже, я видел там золотого павлина, я был в Спасе на Крови, я видел там тётю в короткой юбке, под коленом у неё синяя-пресиняя вена; я плавал на прогулочном катере по каналам, я боялся, что Конюшенный мост сорвёт мне башку, но пронесло, я украл у чаек их крики, чтобы кричать самому, а над водой страшно стихло, Инна Витальевна всю дорогу обратно пыталась мои чайчьи вопли заткнуть, я украл её злобу, она успокоилась как сама не своя, я проглотил её злобу в свой живот, под язык накатила тревожная, мающаяся кислинка, которую через несколько лет я научусь называть изжогой, но я вытерпел до ночи и с помощью этой злобы выбил замок долбаной двери, Сорок Сорок никогда не запирались, я вышел в коридор, хотел найти Таньку и сказать ей, что я наконец-то научился красть и прятать украденное в животе, смотри! – Сорок Сорок были бы мною довольны, я даже хотел нащупать, попробовать украсть её “врождённое прогрессирующее заболевание”, но меня поймал ночной сторож Геннадьич, и первый подзатыльник я пропустил, но второй я украл и спрятал, чтобы вернуть ему на следующий день; увы, я думал о мести для Геннадьича и совсем забыл о той интересной мысли, ну, про Таньку и её ноги...

В такой суете промчался год.

Я чутка поумнел.

Я делал зарядку вместе с другими детьми. Мы по команде приседали, двигались по кругу на карачках, как курицы, а мне думалось, что мы никогда не слепимся в одну целую прекрасную Курицу Куриц, нетушки, слишком разные и неродные.

Потом Таньку удочерили.

Потом пришла Варвара, сказала воспитательнице, что на пятидесятилетие хочется подарочка, такой, чтоб ей по сердцу пришёлся, ну и я пришёлся ей по сердцу. Эта сладкая парочка вошла к нам в комнату. Павлуха как раз на руках стоял у стенки, языком облизывал стык между обоев, вдобавок свесил трусы на грудь, это он умел, Павлуха был совсем дурной, а тётки даже не восхитились, сказали мне: собирайся.

Я оценил Варвару.

Похожа на Фрэнкен Бок, мужицкая баба, руки-батоны. Собраться я рад: я мигом вынул из шкафчика крылья из пенопласта, обшитые фанерой, а поверху ручкой намечены перья, я

крылья мастерил и дорабатывал весь июль, продел кисти в лямки, подбежал к окну, запрыгнул на батарею – и меня тут же сбили с лёту.

– У него воображение, – предупредила воспитательница мою будущую опекуншу.

– У меня решётки, – успокоила воспитательницу моя будущая опекунша.

Но с Варварой оказалось не так уж стрёмно.

У меня появились личные шмотки из комиссионного, хуже, чем у одноклассников, зато мои, только мои! Теперь я должен был ходить в школу, держа её за руку, выполнять домашние задания, уборку, читать книги или делать вид, что читаю, смотреть старые мультфильмы, подставив голову Варваре, чтобы она, сидя в кресле, а я – у неё в ногах, могла мне по голове гладить. Я должен был выходить “ровным степенным шагом”, расчѐсанный, накормленный, к её подругам, чтобы она говорила, что она – благодетель, а я – тот самый мальчик, которого бросили в лесу, что скитался и жил с цыганами, и подружки целый год штамповали одним тоном, какой я бедный мальчик.

В школе многие были нормальны, уродов поменьше, чем в детдоме, но самое главное – Танька оказалась неподалёку.

Я жил на Большом проспекте рядом со сквером, где памятник Добролюбову, я понял, что увековечили мужика, который любит добро, а Танькина новая семья жила рядом с Ораниенбаумским садом, про него ничего не ясно. Когда я уходил на “волю”, только Павлуха, глядя выше и правее моего лба, попросил беречь Таньку, она же привозила ему конфеты “Алѐнка”. Я заверил, что с Танькой всё будет чики-пуки, и он заржал, обдав меня радостными слюнями.

Пролетел ещё год.

Первый класс: косички нормальных ходячих девчонок, мел на пальцах, мои неповоротливые мозги, чужие избалованные дети.

Я задул восемь свечей, воткнутых в пирожное, от одной свечи надломился зефир; я сидел с тёткой на кухне, она смотрела передачу, где людей женили по очереди, а я грустил, потому что за год ничего не украл. Я скучно жил. Наверно, я стал нормальным ребёнком, выполняя Варварины указания.

На следующий день после школы я отправился в гости к Таньке.

Меня не пустили.

Её приёмные родители ругались. Отец кричал “нельзя увольняться, нельзя!”, а мать кричала “уйди, уйди, уйди, уйди!”. Я не уходил, и Танька знала, что я из тех, кто долго не уходит, я ведь мог у парадной двери в детдоме стоять часами, ожидая, когда прилетит Сорок Сорок и закроет окно чёрным глазом. Танька знала: она выглянула из своей комнаты на втором этаже, помахала; только я мог понять, а никто из прохожих и не подумал бы, придурки, что Танька, как атлет на брусьях, подтянулась – в смысле, на подоконнике, – легонько оторвалась от коляски, а потом перенесла вес на левую руку, чтоб правой так беззаботно помахать, и ничегошеньки, у неё лишь вены на шее вздулись.

Я обожал наблюдать, как она справляется с такими вещами.

Её глаза были как фары ночной тачки, от которой Сорок Сорок наказывали бежать. Танька тоже могла включать дальний свет в глазах (я думал, что он только для меня, а ближний свет – это для прочих). Танька смотрела на меня, и город казался уже не таким огромным, Варвара – сносной, воздух – тёплым, и даже жёлтый дом с зубастой решёткой арки, плящущийся страшными окнами на двор без детей, вдруг казался красивым и таинственным, как сказочный сундук из книжки... а потом её приёмная бабушка дёрнула занавеску.

Но мне хватило: я успел украсть одиночество Таньки.

С её одиночеством я продержался до ночи. Никогда ещё не было так хреново.

Зато к Таньке нагрянули знакомые её приёмных родителей, они радовались ей по-настоящему, потому что её день рождения был позавчера, а дошло до них вдруг только сейчас; я видел эту гурьбу, внезапно ввалившуюся с тортиком и цветами к ним домой, стихли крики

её приёмной семьи, я стоял под окном, держался за живот, услышал, как Таньке позвонили из двенадцатого детдома, она, оказывается, подружилась с какими-то инвалидами, её пригласили на выставку песчаных скульптур, а я держался, держался, спрятался за дворовой скамейкой и согнулся пополам, сглатывая кислую слюну, она немедленно отправилась на Заячий остров вместе с бабушкой, которая внезапно ей так услужила, бабушка-то не сахар, они вообще водятся только двух сортов – либо бабушки-ангелы, либо бабушки-злыдни, серединки нет, они произошли от неродных доисторических существ, – ну а я всё держался, я сидел на корточках и был один на весь двор, потом Танька возвращалась радостная, коляска дребезжала колокольчиками, на её тонких ногах лежали тонкие пионы.

Стемнело.

Больше я не мог.

Её одиночество вытошнилось из меня тугой струёй, и с утра у Таньки начался обычный хреновый день. Варвара отхлестала меня по заднице за то, что я шлялся невесть где. Про Таньку ей нельзя говорить, иначе Варвара заревнует.

В школе я украл красивую толстую ручку у Антохи.

В ней сразу десять разноцветных стержней, можно переключать, её искали всем классом на перемене, и только я жевал бутерброд. От такой кражи дух захватывало, тело ныло от нового ощущения, похожего на то, что я открыл на физкультуре: лезешь под потолок и, крепко обнимая ногами бугристый канат, млеешь, когда в тазу рождается болезненно-сладкое чувство. Кража ручки была такой же, только никто не косился: чего он там застрял на канате?.. Я пожал плечами на вопрос Антохи, тот сам порывлся в моём рюкзаке, осмотрел парту, глянул на мои карманы: такая ручка бы здорово оттопыривалась. Я ему не нравился, этому плохишу, который будет “держат” класс до выпуска, а потом, наверно, купит пистолет и станет крутым, но ему было не по себе, ведь я постоянно жру, и предъявить было нечего, не мог же он заглянуть ко мне в живот.

Возвращаясь домой, я украл у дворовых котов голод, чтобы коты пухли, и к вечеру они вправду ожрались. Варвара запихала в меня тройную порцию макарон по-флотски, приговаривая, что корм идёт не в коня.

Я не был голоден.

Просто я был выкормышем Сорок Сорок.

В следующий раз я своровал пятёрки по математике и, конечно, сгруппил: надо было красть четвертные, а не просто за домашку. У Сорок Сорок было правило: КРАДИ ОДНУ ВЕЩЬ ОДИН РАЗ, не повторяйся, в этом вся соль, и я это ощутил так же верно, как свои кости. Повторюсь – поймают.

Иногда Танька помогала бабушке, которая работала в ларьке на перекрёстке Большого проспекта и Ленина. Там надо было продавать газеты, леденцы, пустышки. Детский труд запрещён, я-то знаю, но иногда бабушка отлучалась домой, а Танька, сидя в будке, её заменяла, никто не видел снаружи в окошко, что она в инвалидном кресле, руки были длинные, по лицу лет шестнадцать, и дотянуться она могла до любого товара, и сдачу вернуть.

Я украл у неё жвачку из распахнутой коробульки, зелёную, со вкусом яблока и наклейкой-тачкой.

Потом она получит выговор от бабушки, расплатится, даже пожалуется мне.

Всё будет чики-пуки, заверю я Таньку.

Жвачка была сладкая только в одно мгновение: она, как и всё краденое, сразу очутилась в моём животе, я же никогда особо не прожёвывал, сразу сделалось приятно, но кто-то провёл когтем по хребту, и я задумался: кто меня может судить и могу ли я сам себя судить. В Библии сказано: не укради. А я крал. Сорок Сорок крали. *Сорок Сорок были до Библии* – так говорил Ёся, слушая Пугачёву по радиоприёмнику. *Мы были всегда* – так говорили Иришка, Янка,

Агнесса, сжеживая из цистерны топливо, чтоб залить в генератор и врубить автомат для жарки попкорна.

Мне было хорошо, и это всё, что я умел.

На этом мои терзания закончились.

Второе правило я придумал сам в шестом классе: КРАДИ КАЙФОВОЕ. Безделушки вроде денег, ювелирки, мобильников меня не интересовали. Нет, я поступал иначе. Например, к Таньке стал наведываться Фёдор, он был из моей школы, они познакомились на отчётном концерте, где – ненавижу эти мероприятия! – каждому школьнику отводилась своя роль. Кто-то пел, кто-то брэнчал на гитаре, кто-то танцевал или актёрствовал, самые тупые микрофоны выносили, а я там себе места не находил, и даже классуха меня никуда не приспособила; я только думал, что вся эта тусовка не срастётся в одного целого прекрасного зверя по имени СОШ № 51, который мог бы одним прыжком на мягких лапах перевалить с Петроградки в Кронштадт. А Фёдор на концерте был звездой, светлая голова, осанка как у царевича, и вещал стихи он медленно, с расстановкой, а не чирикал-бормотал, как я на уроках.

Танька мне часто про него говорила, когда мы давили ледяную корку луж, я – пяткой, она – палкой, и всегда я злился пуще прежнего. Она уже не хотела ползать наперегонки по снегу. Она говорила, что я как дитя малое, она и вправду повзрослела, интересовалась, чёрт возьми, этим Фёдором.

Я решил открыться Таньке, только чтоб сбить эту болтовню.

Я рассказал про Сорок Сорок: как они становились одной огромной птицей, неуловимые, великие и немного бестолковые воры, никому не нужные, ничего не хотящие, кроме еды и уединения.

Танька почему-то захохотала.

Самое страшное, что я был, видимо, идиотом, с которым забавно дружить, а она становилась всё красивее, и дальний свет её глаз отнюдь не сошёл на мне: он распахивался на весь мир.

Мобильник её пиликнул.

Я готов был поклясться, что это пришла юморная эсэмэска от Фёдора.

Она сказала, что я инфантильный и про сороку гоню фольклорные выдумки. Сорока на самом деле никакая не воровка, а вполне себе умная птица из семейства врановых. А на латыни вообще красота: сорока – *zorica rrica*. Танька видела по телику, что сорока настолько умна, что единственная из всех птиц узнаёт себя в зеркале. Вот это реальный научный факт... А то, что я навывдумывал, это потешно, конечно, только...

Тут я вконец разозлился.

Я поинтересовался между делом, в какой вечер они с Фёдором пойдут на набережную Карповки, чтобы посмотреть на Иоанновский монастырь, ну, то есть как пойдут – он будет катить её трон, а она, раскрасневшаяся, прижимать к груди какой-нибудь цветок; ну и дурацкий повод, думал я, сосаться можно у подъезда, а так будете ещё смущать монашек, им тоже захочется.

Она назвала день свидания.

Я появился загодя, ещё не зная, что бы вытворить.

Танька уже стояла на крыльце, а Фёдор шёл к ней от арки. Тут я вывернулся из-за двери, она вздрогнула, очень удивилась, что я гуляю здесь без предупреждения, Фёдор подходил ближе, ближе и так открыто улыбался, как я не умею, его душа изливалась из глаз. Я поморщился и украл то, что Танька готовила для Фёдора, она даже сама не знала, что готовила, такое поймёшь, только когда заберёшь, – я украл её поцелуй.

В животе вспыхнула невесомость.

Пятки мои на миг расстались с землёй.

А в ровной походке высокого Фёдора, которому я так завидовал, что-то сбилось...

Нет, конечно, они отправились вдвоём к Карповке. И вроде бы посмотрели, как подсвечивается этот скучный храм, но всё было не то.

Через два месяца Фёдор уехал в Москву, чтобы там учиться в продвинутой языковой школе. Помню, перед отъездом он помачал у подъезда Таньки с бумажкой в руке, где был написан его адрес и какое-то глупое признание, Фёдор думал, что в будущем они встретятся, у него были сомнения и радость, он остро испытывал надежду и страх – я его знал нараспашку, но не потому, что я одарённый юноша, а лишь потому, что его чувства сами представлялись мне для кражи.

Я прошёл за ним и в дверях вестибюля украл эту бумажку с адресом и телефоном. Вдруг ещё надумает, вернётся, подарит.

Он не вернулся.

Танька горевала.

Она так не горевала, даже когда врач сообщил, что болезнь прогрессирует, руки уже слабеют, к шестнадцати у девочки откажет диафрагма, дышать сможет только с аппаратом ИВЛ, а потом умрёт. Свет в глазах Таньки теперь светил внутрь. Приёмные родители стали лучше себя вести, потому что видели впереди освобождение от груза. К тому же Танька успела им помочь: она же стала третьим ребёнком, поэтому родителям одобрили ипотеку с пустяковой ставкой.

Я украл их лицемерие и подлость.

Я не знал, куда это сплавить, поэтому подсунил их лицемерие и подлость Антохе, а тот рассказал-показал на всю школу, что Сашка из “Б” класса – не девственница. Потом Антоха подрался с её братом, точнее, собрал шайку, чтобы справиться, у неё был крепкий брат, потом он врал милиции: подлости было так много, что Антоха не мог вычерпать её за раз.

Танька не держала обиды на меня, ведь я не попался с поцелуем.

Я был как эти воробы: пронесутся, заденут висок краешком крыла, что-то украдут, шепнут о чём-то, вот и куда ты шёл? какую мысль думал?..

Я понял третье правило Сорок Сорок: НИКОГДА НЕ ПОПАДАЙСЯ.

Знал утробой: попадусь – исчезну я, всё исчезнет, ну и Танька, возможно, расстроится.

В седьмом классе я украл клёвые движения у Миши, который танцевал как бог, и всю дискотеку он был сам не свой, зато я подцепил Веру, хотя раньше она и не смотрела на меня. Я выпил литровую пластиковую бутылку джина-тоника, просто чтобы похвастаться, и тут же украл у прохожего трезвость, а тот сел мимо скамейки.

Затем я ускорился: я украл обаяние, я украл надёжность, я украл силу, я украл слёзы, я украл ворчливость, я украл вдохновение, я украл тепло рук (у меня всегда холодные), я украл воодушевление, я украл восхищение, я украл внимание, я украл глупость, я украл гордость, я украл любознательность, я украл остроумие, я украл трудолюбие, я украл высокомерие, я украл какие-то слова, я украл какие-то мысли – и всё уместилось у меня в животе.

В этой суете пролетел ещё год.

Всё реже я видел Таньку, потому что гулял с Верой, а потом забыл её где-то.

Мне снились Сорок Сорок, тайно летающие по ночам над городами.

За Варварой стал ухаживать надутый старпёр, вроде ботана из “Что? Где? Когда?”, линзы у него на носу были такие толстые, что хоть в иллюминатор вставляй, но я ему радовался: квартира чаще была в моём распоряжении, правда, всё скучнее было жить.

В восьмом классе наша руководительница представляла родителям психологическое резюме. Она вела журнал с характеристиками подопечных – оригинал журнала я украл, но эта зануда делала копии, – там было сказано про меня общими фразами, а в конце: “Тайный лидер (?). Себе на уме. [Зачеркнуто], [зачеркнуто], хамелеон, пу-[зачеркнуто]...”, и я готов был дать руку на отсечение: она выводила слово “пустышка” и опомнилась.

Такая похвала меня неприятно поразила.

Дома я остался один, потому что Варвара с тем знатоком улетела к родным в Ростов.

Был зимний месяц безделья, я хотел развлечься, и меня не отпускали эти характеристики: “хамелеон, пустышка”.

На следующий день я увидел во дворе пару.

Они приехали на шикарной “вольво”, достали здоровенный глиняный горшок с пальмой и, смеясь, обнимая его, понесли в дом. Они чем-то напоминали Фёдора и Таньку, но гораздо старше. Они лет пять как поженились. Девушка мне понравилась. У неё длинный прямой птичий нос, чёрные глаза, плоский живот, тонкая кость: тонкие щиколотки (она была в туфельках, как с бала), тонкие запястья, тонкий юмор, тонкая сигарета – она мне подходила, я решил обладать.

Я столкнулся с ними в дверях их дома и украл их любовь.

Аксинья была кайфовая, она запомнила меня.

Мы увиделись на следующий день, когда она одна шла на работу, и я истратил на неё чужое остроумие, чужой опыт, чужие повадки. На второй встрече я рассказал Аксинье про Сорок Сорок, немного прифантазировал, и она смеялась в голос, удивляясь самой себе, она вообще была тихоня. На третьей встрече я напятил на себя неотразимость (обворованный театральный через полгода сопьётся), а от Аксиньи узнал о проблеме ранних браков, но ничего не понял. Оставалось три недели до возвращения Варвары, поэтому я ускорился и украл у девушки здравый смысл. Жизнь тут же закрутила плёнку на своих бобинах вдвое быстрее. Через четверть часа после наших страстных лобызаний на лестничном пролёте она поднялась к себе в дом и сказала мужу “с меня хватит”, они поговорили, они покричали, они что-то уронили, он ушёл проветриться, она переехала в мою квартиру со всеми своими вещами и – арфой.

Аксинья играла на арфе.

Чужая жена сидела на скрипучей табуретке Варвары посреди нашей нафталиновой гостиной. Между ног Аксиньи с нежной величием устроилась арфа. Арфа была ясная и тёплая, словно клён в бабье лето. От самой толстой струны её подпрыгивал сервант и дребезжали окна.

Волосы Аксиньи струились по плечам, вторя тому изгибу арфы, что с декой и колками. Крутой прогиб её стоп вторил тому резному рисунку на раме, что припадал к её груди, когда от её груди отрывался я. Мы находили во всём сложную тайную композицию. Любая вещь и часть тела – её или моя – всегда поэтически друг с другом соотносились, а иначе в квартире Варвары можно было подохнуть от бытовой убогости.

Но у нас была “романтика”. Я стащил её у студентов “Ленфильма”, студия тут неподалёку.

Я перестал ходить в школу.

Лежал днём на диване, сложив руки на животе, тщась согреть холодными ладонями краденое богатство, а вечером чужая жена возвращалась с работы. Мы принимали душ, лепились ненадолго в зверя о двух спинах, затем я наблюдал, как она длинными тонкими пальцами с узловатыми суставами перебирала струны. Она говорила, что силы натяжения в этой малышке столько, что, порвавшись, струна способна пробить пол или потолок – как повезёт. Что я должен беречь арфу от сквозняка, закрой форточку, она костенеет от холода, да-да, лежал я, не шелохнувшись и подложив ладонь под щеку, а Аксинья играла, шёпотом пропевая: ми-соль-си-фа, ля-ре-фа-ми, а потом ми-соль-ля-ре – из “Ромео и Джульетты”, – и мерещилось мне, как Меркуцио перерубает пополам струна Тибальда, а она шептала так тихо-тихо эти ноты, будто по чуть-чуть выпуская из себя дикое дыхание, будто освобождаясь от меня.

Вот Танька такой красотой не владела.

Танька умела продавать газеты в ларьке на перекрёстке Большого проспекта и Ленина; ну ещё убираться по дому. Я знал, что она даже обниматься не умела, потому что её не обнимали.

И я почему-то не мог уснуть. Я думал о том, на что похожи ноги Таньки, если стянуть с них старые джинсы: годы шли, а джинсовые подвороты внизу не разматывались. Её ноги ни с чем не соотносились. И руки были как руки. С мозолями, рабочие такие.

Образ Таньки не удавалось втиснуть в мечту, я бесился и будил по ночам Аксинью, но один целый прекрасный зверь возникал лишь на считанные мгновения.

Через неделю краденая любовь кончилась. Из меня она вырвалась внезапно, вместе с протухшим говяжьим филеом, купленным в сомнительном продуктовом, у которого я чуть позже, в отместку, украду лицензию и пожаробезопасность. Чужая жена опомнилась, решила, что ей пора возвращаться, что надо прекратить это, она сделала ужасные вещи, а я совсем маленький, выпей солевой раствор, мой мальчик, вытрись, это безумие, это невозможно.

Я пожал плечами, надел штаны, помог Аксинье отнести вещи.

Но я ещё хранил другие штуки, которые украл у тех искушённых, что сильно старше, которым от моей кражи стало сильно легче, отвязные притягательные штуки, – они умножались от моей юности. Эту последнюю дозу, отвал башки, я держал при себе, поэтому через три дня, опять разругавшись с мужем, Аксинья вернулась, звенящая и натянутая, как басовая струна, неискушённого меня она могла бы и перерубить, но я был усилен чужим пороком, и этой струне я устроил агонизирующее тремоло, но, увы, через неделю иссякли даже эти желания, которым и названия нет, и она ушла опять.

Тревога от безнаказанности взяла меня за горло.

Ноги сами понесли к Иоанновскому монастырю.

Что я тут забыл? Не придумав ничего лучше, уставился на белую голубку, летящую на одной иконе: то ли она бежала из Ноева ковчега искать землю посреди океана, то ли неслась обратно. От ладана я расчихался. Потом какая-то бабка, показывавшая прихожанам, как правильно ставить свечку за упокой, взглянула на меня с яростью, высекла в воздухе знак от сглаза. Скрутило мой живот, и я убрался.

Внутри было совсем пусто.

Я позвонил Таньке.

Она была как бы в помешательстве, не могла и двух слов связать. Возможно, у Таньки мозги съезжали набекрень, она предупреждала, что это при её склерозе рано или поздно случится. Я позвал Таньку гулять. Я пообещал прийти в гости с коробкой конфет. Я хотел вспомнить анекдот, хотел её рассмешить, я пытался смеяться, только она молчала, алло! Алло? Танька положила трубку.

Февраль я прожил как на иголках, совсем не крал.

В марте поставил чайник.

В апреле вымыл кружку.

В мае мне опять захотелось женщины, но так, чтоб ничего и никого не ломать.

Я возвращался домой после школы, я собрался купить журнал для взрослых и остановился у ларька – ларька, где работала бабушка Таньки. Перейти с Аксиньи на такой журнал было всё равно что отменить эволюцию и залезть на дерево, но я был пуст, мне не было стыдно. Силу духа, достоинство, порядочность я уже когда-то у кого-то украл и истратил. Пока бабушка Тани прикидывала, можно ли продать журнал мне (конечно, нет), я украл у неё вчерашний день (бабушка это спишет на Альцгеймера).

Из её вчерашнего дня я узнал, что Танька больше не выбирается из постели, и для бабушки теперь огромное счастье побыть на воздухе, не видя её мучений. Танька должна умереть до Нового года, потому что не владеет телом, нарушается пищеварение, ей тяжело дышится, надо только перетерпеть, – советовала на завтрак её приёмная бабушка её приёмным родителям, – всё-таки бэушный ребёнок с таким пороком, с таким пробегом – это маета, скорее бы уже... а там жизнь начнётся с чистого листа...

Я смотрел, как её бабушка, поджав губы, шарит по глянцевым обложкам с красотками, делая вид, что ищет мой журнал.

Пустота во мне раскалилась.

Я отказался; она вздохнула с облегчением.

Значит, Танька будет мучиться до Нового года... Я любил Новый год больше своего дня рождения, а дни рождения не любил, потому что всегда был один, Варвара не в счёт, а красть у самого себя... в общем, двойная печаль.

Ночью я обошёл дом Таньки и полез по водосточной трубе.

Труба отчекрыжилась, я спрятался, сторож выбежал. Он назвал меня ишаком, хотя и не знал обо мне. Я полез по дереву – а это просто: надо лишь красть у гравитации силу. Извини, земля, – хэллоу, веточки. Силу гравитации лучше всего выпукивать, оставишь в себе – лопнешь, а так – реактивное движение. Я пролетел от дерева до заветного окна не хуже, чем Питер Пэн.

Чуть не промахнулся, но всё-таки ухватился за створки, втащил себя вверх, они разошлись и вздумали заскрипеть (на пластиковые стеклопакеты денег тут не водилось), но я украл звук и спрятал его в живот, у меня тугой живот. Живот надёжно удерживает звук, когда дело не касается гравитации. В форточку пролез, ведь я был худ. Я украл гуттаперчевость у акробата цирка на Фонтанке, а он обрюзг и остался без работы; до этого я украл билет у толстого ротозея, чтобы сходить в цирк на Фонтанке, а он скуксился и остался без радости.

Волосы Таньки прилипли ко лбу, как намазанные клеем.

Под одеялом стыковались какие-то несурзные детали. Не могли срастись в одно целое тело, взлетающее каждое утро из кровати в день, сквозь дни – в года, унося нуждающихся в своём клюве или неся в клюве еду своим птенцам. Танька никак не могла лететь.

На тумбочке была упаковка снотворного и пенал с Микки-Маусом. Из пенала почему-то торчали таблетки, много таблеток. От Таньки скверно пахло.

Я сел рядом.

Долго-предолго на неё пялился безо всякой мысли.

Потом я вдруг испугался, что родители войдут и увидят меня, а я – хоть и гибкий плут, но под её кровать не влезу, а зрение их я красть не хотел, хватит уже.

– Однажды я украл у тебя жвачку, – сказал я, быстренько засучивая рукава.

Почему-то я подумал, что в такой ситуации надо извиниться, ведь я обещал Павлухе, что присмотрю за Танькой, а оно вон как обернулось. Но до сих пор не знаю, за что тут извиняться, мне было хорошо, я не попался, Танька не узнала, бабка бы её за другое наругала, а жвачке безразлично.

– Когда нам было по тринадцать, я украл твой поцелуй, и ты не сблизилась с Фёдором. Он уехал в столицу, а ты осталась дурой.

Нет, всё равно извиняться не буду. Твои губы пахли чечевицей, обожаю чечевицу.

– Нам скоро будет по шестнадцать, и ты умираешь, всё по плану: чики-пуки там, *pisa pisa* здесь.

Я оглянулся в окно, куда мне уже следовало убираться; там, как и всегда, манила луна, я же когда-то хотел соревноваться с чёртом – украсть её или нет? Но это глупости. Туда не достану.

– Это ты.

Да-да, я, только усни, так сподручнее.

– Как здорово, что ты пришёл.

Ну очень здорово, ты чего очнулась? Но я промолчал, потому что в комнате потемнело, ну и комок в горле, сами понимаете, я тут всё видел, короче, я видел, к чему идёт.

– Помнишь, – сказала она, – ты украл чужую жену?

– Как тут забудешь. Кража выдающаяся, ибо человека спёр.

– Её звали Аксинья. Она красивая, играет на арфе, трень-трень, а ты, ты – самый гадкий человек на свете... или существо. Но знаешь что?.. Я бы тоже украла Аксинью. И поверь, украла бы её лучше тебя, я же всегда была лучше...

Танька беззвучно засмеялась.

Это правда. Я вспомнил, как был счастлив, как её ноги в красных колготках маячили у меня перед носом, когда волоклись по вспученному линолеуму детдома, как она с гиканьем опережала меня на дистанции от чулана до столовки.

– Так ты понял, почему она всё-таки ушла и опять стало хорошо?

– Потому что я не удержал чужую любовь в своём животе?

– Да потому что не спрятать навсегда краденого человека, дебил. Какой же ты дебил и выдумщик.

– А-а.

Резонно. Живот поурчал, подтверждая, что людей он в себе ещё не прятал и не способен на такое, нет, это к женщинам. Танька зажмурилась, сделала губы куриной гузкой, плакать вздумала, что ли?..

– Знаешь, Фёдор ведь маялся под этим окном.

– Он такой, такой, – быстро закивала она.

Я достал постаревшую бумажку, положил ей на снотворное, лишь бы не ныла.

Там были адрес и телефон Фёдора.

– Если он переехал в другой дом, то в Москве, Танька, ищи его, где такая воронка в небо поднимается. Воронка умных мыслей. А их закручивает желание скорей-скорей жить. В эту воронку засасывает птиц, да так, что они рожают раньше срока. Оно сразу видно – Фёдор идёт. Сведения я украл у ветра, чистая правда, слышишь?..

Я произнёс это, с трудом влезая на подоконник, потому что смерть Таньки весила как брейтовская свинья.

Невообразимая тяжесть в пузе.

Я нелепо перевесился наружу, взмолился о том, чтоб Танька встала, наконец, хоть подтолкнула меня. Но ещё рано, всё-таки рано; к тому же она опять забылась и уснула.

Силы мои иссякли, я просто спрыгнул и разбил пятки вдребезги. Земля явила себя в подлинном, адски твёрдом великолепии. Как теперь ходить по осколкам костей? Я пополз домой почти по-пластунски, с разочарованием узнавая, как же слабы мои руки, собирая бесценным животом пыль, окурки, помёт. На третьем пешеходном переходе тихо шуршащие колёса проверили мою пустоту на прочность. Вот тебе и выводок Сорок Сорок, какая ты птица? – ты теперь змей.

У одного ночного прохожего я вздумал украсть прямохождение, но смог лишь рыгнуть, и отрыжка была пахучая, как гнилое яблоко.

Не мог я красть – нагрузился до упора.

Я оставил дверь квартиры приоткрытой, так было гигиенично. Взвился по гладильной доске, по ручке шкафа, подцепил зубами крюк вешалки и сбросил на пол новый костюм для выпускного, проскользнул в него, а затем лёг смирно. Кажется, впервые в жизни успокоился. Свет ночного фонаря, льющегося в гостиную, перебивала полётом какая-то птица, отчего моё лицо то уходило в тень, то вспыхивало. Прошла пара дней, за которые я ничего не ел, а даже и наоборот – в пятки мои впиалась какая-то невидимая тварь и засосала, затем я утратил подвижность и дыхание, далее ввалились нахальные люди, подняли и положили меня на один стол, перенесли на другой, потом на третий, самый холодный, потом я качался-качался, потом со мной прощались, всё это была дикая скука, в голове моей роились запоздалые мысли и абсурдное желание скорей-скорей жить, возможно, даже птицы рожали над моргом, а взбодрился я, только когда голос внутри шепнул.

Голос был сладкий, как та жвачка, но и тяжёлый, как та свинья.

– Теперь укради жизнь вон у того мальчика. Укради – и ты вернёшься, гарантирую. Ты всё можешь, вечный сирота.

– Это не мальчик, – отозвался я, хоть и не видел, кто там наведался на похороны, – это сто пудов Павлуха из приюта, он просто даун, у него щетина не растёт. Зато Павлуха здорово на голове стоит.

Я прям почувствовал, как смерть махнула на меня рукой.

– Ты можешь всё, – повторила смерть, рисуясь и подлизываясь, а впрочем, уже не надеясь, что я станцую твист на крышке гроба.

– Все злодеи, все жуткие убийцы, – подумал я проникновенно и слегка не в такт предыдущей жизни, – выглядят именно злодеями и убийцами, пока не закроют глаза.

– Так-так, ну и?

– Смерть, с закрытыми глазами-то не крадут.

О, это была шпилька.

Крышку опустили, смерть ушла, не попрощавшись, я сам оказался в чужом животе.

Честно говоря, долго-предолго я крутил в уме сладкую фантазию о том, как Танька ворует чужую мою чужую мою чужую жену. Что они там вытворяли, ой-ёй, арфистка и инвалид, руки музыкальные, руки работяжные, вот эти вот прогибы... Темнота наполнилась светлой грустью. Почему я никогда не спал с женщинами по-македонски? Всегда остаётся такая галочка-птичка: не сделал, не успел, не дождал, пустота во мне смеялась, хотя, безусловно, то был признак помешательства...

Я мог существовать так вечно.

Но она пришла.

И зарыдала. Танька была далеко наверху, на свету.

В звуке было что-то необычное: наверно, так рыдает человек, у которого за пару дней в отсохшие ноги с упрямой болью ростка, пробивающего асфальт, вошла жизнь. Одна-единёшенька ревела на кладбище эта крепкая девица. И я скорбел: не видать мне, какие у неё отрасли ляхи, и зад – он сердечком нальётся? А в профиль зад будет как доска или закруглится гудящим диким ульем?.. Она же годами его отсиживала, а теперь просто обязана как следует размять!.. Нет, такое одиночество невыносимо.

Там, где у меня когда-то было сердце, засверкала, отозвавшись на Танькин плач, пустота. Свет её глаз вонзился в землю, добурился до меня, и темноты не стало. Раз пришла – значит, догадалась.

Я вспомнил о третьем правиле Сорок Сорок. Потрескивая белым шумом, как радиоприёмник Ёси, я начал исчезать. Молодчина Танька, ты завершила всё.

Я попался.

Отправление

Мне пришло извещение: посылка готова к выдаче.

– Так-с... По базе нету.

– Проверьте, посылка покинула сортировочный центр двенадцатого числа (я слежу по трек-коду), а в ваше отделение доставлена вчера.

– По базе нету.

– Проверьте, пожалуйста.

– Молодой человек, не задерживайте очередь, по базе нету.

Редкие дни мы называем особенными.

Недостаточно выделить их в календаре иным цветом по праздничным обстоятельствам. Отметить очередной взятой высотой, будь то продвижение по службе, свадьба, увеличение семьи. Нет, нам думается: особенный день – тот, что поражает спонтанной соразмерностью. Обстоятельств внешних – состоянию внутреннему. Когда ровен отклик мира на каждое твоё действие, и, значит, благое найдёт благой ответ, а дурное – дурной. Когда независимость, упорство твоего духа укрощают шумные и срамные сборища. Разум умножает разум, а сердце зажигает сердце.

Также это день абсолютной проводимости обратной связи, когда и тебя зажигают, умножают, облагораживают обстоятельства и люди. В такие дни сама судьба обретает податливость лишь оттого, что ты особенным образом уверен в себе и мире.

Уверенность Баканова проистекала из принципиальности и необыкновенной чувствительности к несоответствиям.

Они же – от потребности в справедливости.

Разумеется, его качества были не просто подмечены университетским окружением, а воспиты, внесены в фольклор философского факультета. Отношение к Баканову сочетало как грубую насмешку, заниженную оценку, так и невольный пиетет, залихватский кукиш: “Ох наш зануда вам поддаст!” Среди преподавателей, поощрявших дискуссии с аудиторией, Баканов слыл находчивым, хоть и увлекающимся интерпретатором.

Он был дьявольски пунктуален. И по этой части требовал взаимности от гардеробных, буфетов, кинотеатров, врачей, парикмахерских, ведомств и окружающих. Не обнаружив взаимной точности, он тут же принимался кропотливо заполнять жалобные книги, журналы отзывов и предложений, вносить инициативу в работу студенческого профкома, а также извещать иные административные лица.

Пока однокурсники бегали на свидания, зависали в компьютерных играх, употребляли и заболели, Баканов познавал процедуры и регламенты.

К тому же он ценил свою подпись. Осенял ею акты, извещения, квитанции, заявления.

Бесконечной корректировке – фактической, логической, грамматической – подвергались чужие суждения. Великий дотошник! Кассирам, округлявшим сдачу до рубля, вменялось если не стяжательство, то беспечность. Когда Баканову не отвечали на “довэ иль баньо?”, заданное с порога траттории, он громогласно ставил под сомнение аутентичность кухни и ретировался. Если в Сбербанке случалась операторская ошибка или происходил сбой системы, то Баканов доводил зелёных сотрудниц до слёз. Сколько жаростойких сервисов было закалено пламенем его неутомимой натуры! А как его конфузили края проездных квитков, оторванных небрежной рукой контролёра!..

Испытывалось всё. И либо удерживало форму, либо деформировалось в тисках Баканова, ровно отмеривающих соответствие номинального – фактическому. Договора он знал назубок, а знанием мог охомутать любого.

У многих перехватывало дыхание от одного лишь взгляда на неизменно застёгнутую пуговицу крахмаленного воротника сорочки.

- Да что ты за человек! Ясно сказала женщина: нет твоей посылки...
- Проверьте, пожалуйста.
- Так-с... а почему извещение не подписано?
- Я подписываю извещение тогда, когда получаю отправление и убеждаюсь в его сохранности.
- Давайте без принципов. Расписывайтесь.
- Встал колом, ненормальный!
- Чувак, я надеюсь, твоя посылка того стоит. У меня есть шутка про “Почту России”. Но до тебя не дойдёт.
- Посылка здесь, почему-то лежала отдельно на прилавке... Так-с, Вер, а почему эта на прилавке?
- Я подписываю извещение тогда...
- Молодой человек!
- Давайте дальше, а?! До закрытия пятнадцать минут, я стою уже час, ну в самом деле!..

Баканов правил.

Его голос вызывал зудение слизистых и мышечные спазмы. Его редущая с макушки соломенная шевелюра казалась не производной от несовершенной человеческой природы, а тонзурой, данной свыше. Баканова узнавали по дёрганью щеки, что одинаково распространялось и на остывшее фрикасе в университетской столовой, и на любого, кто заявил бы, что грех есть моральный выбор, а не болезнь духа.

Он вчитывался в договоры оферт и пользовательские соглашения.

Принимал все входящие, выслушивал, уточнял, поддерживал беседу даже с продавцами минеральных удобрений для суккулентов и по предложениям микрокредитов. Он заполнял никому не нужные анкеты. Строчил исчерпывающие отзывы там, где пустота считалась нормой, и тьма была над бездной, и ни один здравомыслящий творец не задумался бы оставить след свой. Его узнавали в службах техподдержки сотового оператора и интернет-провайдера. О, это было легендарное исключение из правил: абонент-бухтила, которому ни в коем случае нельзя подключать услуги без предварительного извещения. Аудиокомпиляцией его жалоб, имитирующей Идеального Недовольного, тестировали сервисников-новобранцев...

Баканов стопорил жернова систем.

Его обожали библиотекари и ценил девяностодвухлетний замдекана – как старосту группы.

Один пронизательный профессор, читающий курс конфликтологии, заметил Баканову в приватной беседе: “Ваша несносная для прочих корректорская поза проистекает от неумения находить границы допустимого. А оно следует из того, что вы не знаете контекстов. Контекст – почва приемлемости. Там, где любой плюнет и разотрёт, вы броситесь доказывать, мол, персики не азербайджанские, а армянские; что можно выйти к станции метро, пересекая не три, а две улицы... Вы награждены стремлением великого идеалиста, Баканов, но лишены приборов навигации, поэтому вас несёт туда, куда не стоит соваться. Ибо за вашими пустяками прячется сущее ничто. Обретите же свою личную цель, а с нею и границы...”

Баканов же отвечал тирадою, которую – как и по вышеприведённым случаям – исключено размещать здесь. Даже если это ставит под угрозу правдоподобие персонажа – пусть! – мы заодно признаем и раздражающую рафинированность изложения. Но всё-таки не будем рисковать терпением читателя, которого и так ежедневно угрожает раздавить суконная волокита.

Иные лица, совершенно третьи для этой истории, в отличие от собеседника мудрого, Баканова поколачивали. Насилие он превращал в бумажные стопки для участкового в отделении милиции. Студент стряпал заявление так, что любо-дорого смотреть. Язык высовывался от усердия меж распухших губ. Заключение травматолога с описью ссадин и ушибов маячило перед носом правоохранителя. Но затем и некому было покачать головой в обиде, когда сии труды мигом переправлялись в мусорную корзину...

Баканов обладал каллиграфическим почерком и бездной терпения.

В особенный день Баканов должен был осенить своей подписью извещение о получении отправления в одном из отделений «Почты России».

В этот день соразмерности терпение было исчерпано, а границы вновь подвергнуты испытаниям.

– Так-с... проверяйте.

– Упаковка вскрыта. На коробке надрезана липкая лента, вот здесь, смотрите. Вы должны позвать начальника отделения. И составить специальный акт.

– Где надрезана? Ага... Так это не беда, молодой человек. Подписывайте.

– Нет, подождите. Зачем вы вскрывали мою посылку?

– А с чего взяли, что мне это надо?! Её могли раздербанить на таможне. Дайте глянуть: откуда? – а, Китай, небось «Алиэкспресс». Ну, и чего надо? На таможне её вскрыли! Или потрепала сортировочная. Не задерживайте очередь, проходите уже...

– Чувак, ты ломаешь меня полностью. Отойди, замутим селфик.

– Как я могу подписать извещение, если получил отправление не в сохранности? Да ещё при сомнительных обстоятельствах. Почему посылка лежала вот так запросто? И упаковка повреждена, вы видите?

– Значит, так! Вот посылка. Радуйтесь, что нашлась. Я вообще её могла не найти. Выкинуть. Всучить другому.

– Упаковка повреждена. Сейчас я извлеку товар и оценю возможный ущерб. А пока – позовите, пожалуйста, начальника.

– Вы пропустите меня или нет?!

Баканов впервые решил заказать обувь в интернете. С великой тщательностью были подобраны ботинки для увядающей петербургской осени. Время перемен всё-таки. Старое вымерло, новое не грянуло, разложение, упадок, и продраенное небо, уже не столько от осадков, сколько от рекурсивных обывательских перетираний этой погоды, и тоскливая слякоть, и бурая куча листьев...

Несколько смутил Баканова сайт *karmakoma.com*. Меню были перегружены, а в используемом английском допущены мелкие ошибки. Судя по могучим стопкам брендов и базарной навязчивости предложений, его заманил азиатский агрегатор.

Покупка в Сети для Баканова была едва ли не авантюрой. Но перевешивала сниженная цена по распродаже, и натуральная кожа верха, подкладки, стельки, высокое голенище, крепкая строчка по ранту и брутальная шнуровка. Наконец, возможность вернуть и приемлемая цена доставки – правда, с подмигивающим астериском. Баканов изучил информацию по доставке и *FAQ*, не нашёл их достаточными, но распечатал, свернул вчетверо и носил за пазухой. По указанным телефонным контактам Баканова дважды сбросило, а на третий – переключило на румынский этнографический музей. Тогда он изучил мультимарочный магазин *karmakoma.com* по привязанным ссылкам на соцсети. Но и там натолкнулся сплошь на галерею товаров и радостных покупателей, примеривающих доставленные блага.

Всё это отняло у Баканова три вечера.

А четвёртый, после пар, на одной из которых он смутил одноклассников своей лояльностью к лектору по вопросу историчности Иисуса Христа (списано на сплин, простуду, усталость

– Петербург даже Баканова способен вывести из строя), он провёл за рассматриванием пяти фотографий и 360-градусной панорамы ботинок. Наконец, Баканов сопоставил длину своей бледной стопы с транспонируемой таблицей систем *EU-UK-US*, добавил пару в корзину, заполнил анкету, проверил анкету, сделал снимок экрана на каждом этапе покупки и – рискнул.

Теперь студент возвышался над почтовым оператором и – что подчёркивало исключительность натуры – отнюдь не жалел о покупке.

В задумчивости он локтем опирался на засаленный прилавок. Чёрный пластиковый мешок посылки, обклеенный кодами и реквизитами, был аккуратно разрезан; заново же его заклеили прозрачным скотчем. Баканов водил по надрезанному язычку левого ботинка, который, очевидно, повредило от того же вскрытия. Порез спускался по язычку от верха до середины, пересекал нашитую эмблему. Канцелярский нож, используемый для разрезания липкой ленты, по-видимому, пробил картон и упаковочную бумагу.

И в таком виде от Баканова требуют принять отправление?

Нельзя сказать, чтоб от этого дефекта пострадали теплосохранивающие свойства обуви. Но и не был он незаметен.

Атмосфера накалялась.

Кровь застоялась в ногах. Кровью наливались глаза. Ныли поясницы, напоминая о налоге эволюции за прямохождение и прямостояние в очередях. Но характеры держались своего, хотя на определённом уровне громкости и хамства почтового оператора студент словно бы выключался из беседы. И это на него совершенно не походило.

Что, как не концентрация, есть основное средство для отстаивания принципов?

Если принцип – первый ряд римской пехоты, оснащённый щитом да копьём, – что, как не концентрация, решает судьбу легиона?..

Баканов вглядывался в окошко.

Смотрел на рот Розы Твердыщевой (именно так было накалякано детским почерком на бейдже сотрудницы), а точнее, взирал, как прёт сквозь злачные усы темпераментной бабы хлебная крошка. Баканова это завораживало. Пшеничная чешуйка корки, твёрдая и острая, никак не выпутывалась из чащобы. Ноздри у Твердыщевой были чуть вывернуты, да и хмыкала она от души, но сопение не оказывало эффекта на крошку, так же как и мимическая трясучка мышц.

Студент повторял. Поначалу посылка утеряна; далее найдена; затем найдена вскрытой; потом товар найден с дефектом, а истеричная реакция оператора...

Роза Твердыщева изобличала его ослиное упрямство, а также бессмысленность дознавания. Её реплики то звонко вылетали из окошка в зал, то отскакивали от стеклянной перегородки. “А дело-то нечистое!” – саркастично крякала пожилая дама, стоявшая за Бакановым. Твердыщева тянулась к извещению пожилой дамы, тянулась с преувеличенным усердием, потому как и не отрывала ягодиц от стула. Чужое извещение просовывалось над плечом Баканова, впрочем, безуспешно. Начальница почтового отделения проплыла мимо: там, в аквариуме за стеклом, не отрываясь от мобильного, по-буддийски безучастная к перепалке.

На хлебную корку-мякиш можно выловить и сазана, и уклею, даже язь клюнет.

Роза же Твердыщева подсекла самого Баканова.

Баканов держался Твердыщевой Розы.

Грузчик или водитель, в синей униформе – один и тот же? всегда разный? – сновал от входа до окна приёма. Почтальоны покинули зал. Сотрудников к концу смены осталось трое: начальница, оператор, грузчик. Тот присутствовал в жизни един, но множественно и обезличенно: наравне с “плотва резвится”, или “напал гнус”, или “шахтёр бастует”, вот так и грузчик сновал – полный-порожний.

По столу Твердыщевой рассыпались канцелярские принадлежности. Из ячеек настольного стеллажа выпали пачки корреспонденций, и она отточенными, злыми движениями распихала их обратно.

Но хлебной крошке всё нипочём. Так и застряла в усах, и что-то в этом было, какой-то знак, примагничивающий взгляд. Словно эта крошка хлеба-то и есть осевшая в почтовой структуре, недожёванная в жвалах машины посылка из далёкого места. Заветный артефакт тщетно рвётся к адресату, указывает, наводит на следы насилия. Крупица истины, а то и частица претворённой плоти искупителя, которая вот так – метафорически – отбилась от трапезы, не вошла внутрь несносной женщины, а значит, не насытила целиком, не даровала ей спокойствие, отзывчивость, милосердие сполна.

А ведь стоило бы!

Роза Твердышева врала, узрел Баканов. Роза Твердышева способна на подлость. Роза Твердышева – непроходимая филистерша, дебелая операторка, при ней все феминитивы зазвучат оскорбительно. В такой ситуации любая боевая единица компании обретёт пол, и обретёт сполна! И не будет рабочая среда поставлена ей в оправдание и никакие обстоятельства. Нет, всему лучшему в человеке, убеждён студент Баканов, сопутствует индивидуальность. А Роза Твердышева – общее место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.